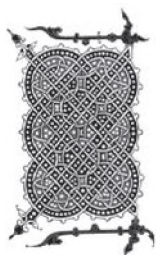

ИССЛЕДОВАНИЯ

Н.Т. Энеева

Игумен Серафим (Кузнецов) о значении монархии для русского народного самосознания

Игумен Серафим (Кузнецов) (1875–1959) — настоятель Серафимо-Алексеевского скита Белогорского монастыря Пермской епархии, вывезший в годы гражданской войны мощи преподобномучениц великой княгини Елизаветы Феодоровны и ее келейницы инокини Варвары из Алапаевска в Китай, а затем в Иерусалим, — ко времени революции в России был широко известным духовным писателем и проповедником, церковно-общественным деятелем, автором «многомных печатных трудов»¹, как сам он писал о себе позже. Основная часть этих трудов посвящена двум темам: во-первых, православному монашеству, понимаемому не как сословный образ жизни, но как квинтэссенция личностной реализации христианских жизненных принципов; и, во-вторых, — самодержавию, как органичной реализации тех же православных принципов в жизни общества. Будучи при этом представителем народа из российской «глубинки» — Предуралья, — о. Серафим уже своей

личностью свидетельствовал о реальной жизненной значимости в российском контексте официальной идеологии Николаевских времен «православие-самодержавие-народность».

При этом следует иметь в виду, что игумен Серафим отнюдь не представлял собой тип «кабинетного ученого», наученного определенным идеям в стенах столичных академий². Его мировоззрение было полностью сформировано той народной средой, которая его породила. Будучи, по сути, «народным самородком», плоть от плоти и дух от духа народа, о. Серафим был в то же время как бы народом, «обретшим голос», излагающим свои убеждения напрямую, «из первых уст».

Семья о. Серафима — купеческо-мещанского сословия — «многочисленная работящая, дружная, глубоко верующая в православие, любящая царя-батюшку» — отличалась «высокой духовной нравственностью и трудолюбием»³. Игумен Серафим писал о своем отце, что он «был истинным христианином,

¹ Иерусалимский православный семинар. М., 2014. Вып. 5. С. 223.

² Будущий игумен Серафим в отрочестве окончил лишь Чердынское четырехклассное городское училище, далее же занимался домашним самообразованием, имея у себя дома прекрасную библиотеку, собранную его родителями.

³ Ромашова Л.А. Игумен Серафим (Кузнецов). Пермь, 2014. С. 15.

строго соблюдавшим Уставы церкви и положенные посты, среды, пятницы, никогда сам не позволял себе нарушать и строго требовал сего от своих детей. /.../ Никому не отказывал в посильной помощи, а особенно любил он помогать бедным, нуждающимся, обремененным семьями чиновникам и никогда ни с кого не просил долгов, /.../ все нес с благодарностью – приятное и неприятное, а особенно с благодушием переносил клеветы и злословия, которые возводились на него злонамеренными и неразумными людьми, и усердно молился за них, не имея никакого злопамятства даже на один день... Он любил своим врагам не только прощать, но и делать добро...»⁴. По кончине отца, став монахом, насельником Белогорской пустыни, о. Серафим перенес в обитель останки своего родителя. Мать отца игумена, Александра Петровна, вслед за сыном в 1907 г. приняла монашеский постриг в с именем Анастасия стала главной устроительницей жизни Бахаревского Серафимо-Алексеевского Казанско-Богородицкого женского монастыря⁵. Среди родни о. Серафима есть пострадавшие за Христа священнослужители: так, его 24-х летний двоюродный брат, диакон Василий Дмитриевич Шувалов, был после пыток расстрелян на берегу Камы поздней осенью 1918 г. вместе с братией Белогорского монастыря. Матерью диакона Василия Шувалова была родная сестра Александры Петровны Кузнецовой, матери о. Серафима – Анна Петровна (урожденная Мельникова). Ее супруг, дядя о. Серафима, священник Дмитрий Иванович Шувалов был также расстрелян советской властью в 1938 г. в возрасте 73-х лет⁶.

Это была патриархальная, монархически и очень религиозно настроенная среда, которая на рубеже столетий создала на южном Урале «Уральский Афон» – знаменитый миссионерский

Свято-Никольский Белогорский монастырь, главный Крестовоздвиженский собор которого, огромный, стоящий на горе и как бы парящий над окружающей его местностью, напоминающий своей архитектурой московский Храм Христа Спасителя – был воздвигнут в память избавления будущего Императора Николая II, а тогда наследника, от покушения на его жизнь, произошедшего в Японии, в городе Оцу, во время Восточного путешествия, состоявшегося в 1890–1891 гг.⁷ Серафимо-Алексеевский скит, созданный позже отцом Серафимов в окрестностях Белогорского монастыря, игуменом которого он являлся, был также посвящением своим связан с Царской Семьей: он был назван в честь рождения царевича Алексея, для возношения сугубой молитвы за наследника Престола. Кроме того, в Пермском крае рубежа XIX–XX вв. «три из новообразованных обителей – Бахаревская, Благовещенская и Иоанно-Богословская (не считая самого Белогорского монастыря и Серафимо-Алексеевского скита) – получили в народе именование «Романовских», поскольку были связаны с крупными событиями в жизни императорской семьи – рождением наследника-царевича и празднованием 300-летия династии Романовых. Активное, притом «идейное», монархическое, по сути, храмостроительство еще более укрепило престиж Белой Горы как главного центра монашеской жизни в Предуралье»⁸.

Таким образом, очевидно, что привязанность нового монастырского и храмового строительства к символам самодержавия и правящего царского дома стала отражением общего народного умонастроения в Пермском крае на рубеже XIX–XX вв., а двойное посвящение: православию и самодержавию, будучи творением подлинно рук народных,

⁴ Цит. по: Ромашова Л.А. Указ. соч. С. 15–16. Впоследствии, став монахом, о. Серафим пожелал перенести прах своего отца в Белогорскую обитель, что и было осуществлено с разрешения гражданских властей и священноначалия.

⁵ См.: Костина В.А. К дивной светлости Небесной. С. 22.

⁶ Вяткина С.А. Указ. соч. С. 197–198.

⁷ Начало посвящения было положено в 1891 г., когда на наследника императорского престола Николая Александровича (будущего императора Николая II) было совершено покушение в Японии. В благодарность за избавление наследника от смертельной опасности на Белой Горе, в пустыне, где тогда еще никто не жил, был возведен обитый жемчужными семисаженными крест, который в народе прозвали Царским. У креста стали служить молебны, и с этого времени еще до устройства здесь монастыря, Царский крест стал привлекать к себе тысячи паломников. Месту этому приписывались чудесные явления: крестьяне неоднократно видели издали во время молебнов небесные знамения в виде облачного столпа или креста над Белой Горой, а в 1891 и 1892 годах во время затяжных засух молебны у Царского креста заканчивались сильными многодневными дождями. Удивительным было пробуждение местных жителей к церковной, религиозной жизни: если раньше, как сказано было в брошюре 1894 года, «в Юго-Кнауфском заводе в дни Богоявления и Преполовления некому было нести икону на реку для освящения», то «теперь из того же завода тысячи народа охотно идут с крестным ходом на Белую Гору за 12 верст и несут многочисленные иконы с запрестольными крестами хоругвями» (цит. по: Вяткина В. Величие и трагедия Уральского Афона. История Белогорского монастыря. Пермь, 2000. С. 9.) В 1892 году было окончательно решено строить здесь миссионерский монастырь. Первая часовня на Белой Горе, построенная руками Василия (будущего игумена Варлаама) Коноплева, была освящена в 1893 году во имя небесного покровителя Наследника Престола – святого Николая Мирликийского. В 1897 году уже весь монастырь был посвящен Императору Николаю II.

⁸ Стегний П. Скитоначальник. Жизнь и судьба игумена Серафима (Кузнецова). М., 2017. С. 38.

как бы воплощали собой народный идеал, народный религиозно-общественный «символ веры»⁹.

Мысли о самодержавии пронизывают все сочинения о. Серафима, за исключением трудов, непосредственно посвященных монашескому деланию. В многотомном издании «Слова, беседы, речи», выходящем в 1907—1915 гг., он публиковал многие свои проповеди, приуроченные к Царским дням (дню рождения, коронования императора и наследника), свои выступления перед православной общественностью в связи с событиями первой русской революции (1905—1907 гг.). Во время путешествия на Ближний Восток (Святую Землю и Афон) в 1908 г., судя по опубликованной книге¹⁰, в основе которой лежит его путевой дневник, главной темой бесед с Восточными иерархами и настоятелями русских афонских скитов и келий, а также проповедей русским насельникам этих обителей было опять же сохранение в России самодержавия, его вероучительные и канонические основания.

Главной по значимости, проходящей лейтмотивом сквозь все сочинения о. Серафима по данной теме, является мысль о неотмирной природе православной монархической власти: «Откуда власть на земле? — пишет игумен Серафим, — оттуда же, откуда и на небе, где легионы ангелов творят волю Владыки вселенной»¹¹. Православная монархическая власть есть отражение единоначалия Бога во вселенной и устройство власти земной является отражением иерархии небесных сфер: «Един есть Господь и законоположник, — одна власть и одно Богоначалие над всем»¹². «Один Бог правит в мире, один должен быть правитель в государстве»¹³. «У небожителей есть и Власть, и Престолы, и Начала¹⁴ и архангелы, начальствующие над ангелами. /.../ В Царском Самодержавии православный русский человек видит как бы отражение Божия Вседержительства: „один Царь на земле“, говорит он, „как один Бог на небе“. Бог по

образу Своего Вседержительства поставил Царя Самодержавного; по образу Своего царства, непреходящего, продолжающегося от века и до века, — Царя наследственного»¹⁵. Таким образом, православная монархия, в отличие от монархии языческой («деспотии»), не обожествляет самое себя, но является носителем и проводником воли Божией о народе в целом и каждом конкретном человеке, находящимся под ее «юрисдикцией». «Власть Государя, Его неограниченное Самодержавие зиждется на власти небесной. Как бы с высоты Божьего Престола, Государь воспринимает силу и крепость управлять Богом, врученным Ему многомиллионным народом. Царская власть поставлена Богом выше всех земных властей. О ней сказал Господь: „Мною цари царствуют“... Следовательно, не своею силою, силою Божиею, не своим именем, а именем Господним повелевает эта царская власть. От Бога восприяв власть, Государь повелевает народом от имени Божия, почему во всех своих обращениях к народу и манифестах Он дает свои веления ему „Божиею милостию“...»¹⁶.

Таким образом, благодаря православному монарху, на земле осуществляется Монархия Божия, согласно прошению евангельской молитвы: «Да будет воля Твоя и на земле, как на небе» (Мф. 6, 9). Тем самым православная монархическая власть вносит своего рода онтологический коррелят в человеческое сообщество, гармонизирует общественную жизнь по неким универсальным координатам, охватывая равно человеческую жизнь, как и общемировую, вселенскую, все бытие.

Делегирование свыше права на власть символизирует и мистически осуществляет таинство «помазания на царство», отчего православный монарх получал имя «помазанника Божия»¹⁷. «Помазание елеем святым, которое совершалось чрез особо поставленных людей, означало освящение власти земной божественным полномочием и

⁹ В книге «Уральский Афон», изданной о. Серафимом в Нижнем Новгороде в 1914 г. он так формулирует свои взгляды на значение монастырского строительства для жизни государства: «Важное государственное и политическое значение монастырей, помимо чисто религиозного, в исторической жизни русского народа заслуживает глубокого внимания. Московское правительство ясно сознавало это значение, и при новых окраинах, прежде всего, строило монастыри, вполне уразумевая, что ничем другим нельзя так привязать новую окраину к общественной идее царства Московского, как постепенным введением этой идеи в среду ее населения, первейшими же, самыми искренними и горячими носителями идеи сильного русского православного самодержавного государства были именно монастыри». // Цит. по: Ромашова Л.А. Игумен Серафим (Кузнецов). Пермь, 2014. С. 13–14.

¹⁰ Кузнецов Серафим, иером. «Путевые впечатления. Поездка в Иерусалим и на Афон в 1908 году». Нижний Новгород, 1909.

¹¹ Кузнецов Серафим, иером. «Слова, беседы, речи». Кунгур, 1907. Т. I. С. 141.

¹² Там же. С. 140.

¹³ Там же. С. 53.

¹⁴ В соответствии с православным вероучением таковы имена различных чинов ангельских небесных сил.

¹⁵ Кузнецов Серафим, иером. «Слова, беседы, речи». Т. I. С. 141.

¹⁶ Кузнецов Серафим, иером. «Путевые впечатления...». С. 313–314.

¹⁷ Византийские императоры исторически поздно стали «помазанниками», но это не значит, что они были православными императорами. Власть монарх получает или через закон или через силу. То и другое, как известно, совершается всегда не без Промысла Божия. Помазание не делегирует монарху с неба право на власть, а дает ему дары Святаго Духа, благодатно укрепляющие его в царском служении. — *Ред.*

вместе с тем сообщало царям дары духовные, потребные для управления народом. Господь называет помазанных царей своими, потому что Сам, так сказать, налагает на них печать Своего избрания, выделяет их из среды людей других, как нарочитые орудия своей власти и своего промышления на земле»¹⁸. Понятие «помазанника», в то же время, указывало на иерархию двух первоосновных божественных заповедей: сперва — «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, всею крепостию твоею...», и только затем «Возлюби ближнего твоего как самого себя». Вторую заповедь, взятую саму по себе можно назвать заповедью «гуманизма». Но суть в том, что без первой заповеди вторая превращается в свою противоположность, потому что корень «антропного принципа» — вне человека и скрыт в трансцендентных нашему видимому миру истоках бытия.

Второй принципиально важной составляющей православного монархического мировоззрения является, по игумену Серафиму, понятие «Отечество» и «Отец». «Государь — наш Отец, Царь Батюшка, а мы все подданные — его стомиллионная семья»¹⁹. «Любите Царя-Батюшку, Богом поставленного нашего земного Отца»²⁰. Принцип «патернализма», заложенный в понятие о православной монархии указывает и на подразумеваемый им характер государственного «субъекта»: «народ» — в идеале мыслится как единый «род», то есть одна семья. В этом, как очевидно, коренное отличие субъекта монархии от субъекта «республики», каковым является собрание независимых индивидов, то есть, в конечном счете, толпа. Подчеркивая отличие «народа» от сообщества гражданских лиц, о. Серафим употребляет слово «организм»: «Жизнь государства имеет сходство с жизнью отдельного человеческого организма. Телом человека управляет дух человека — его душа. Она приводит в движение члены тела, управляет ими, возбуждает члены тела к деятельности и сообщает им стройность движений. Отнимите душу — тело станет мертвым, и этот труп безболезненно можно разделить на части, отняв руки, ноги и голову. В Государственном организме есть свой дух живой, своя душа народная. Она дает ему силу, крепость и могущество. Этой душой народной являются те начала, те заветы, на которых возросло, сложи-

лось и окрепло государство и которыми движется и живет оно... Отнимите их, выньте эти начала из жизни государства, так же, как выходит душа из тела — и государство станет походить на труп, который можно будет безболезненно разделить на части. Начала же эти известны всем вам от малого до старого: православная наша вера, самодержавная власть царская и наш русский дух, — наша самобытность. Они только сии три начала укрепили Русь, расширили, возвеличили, дали ей силу и могущество!... Ими крепла Русь православная, ими она живет и движется»²¹.

Из семейственного принципа, обуславливающего взаимоотношения внутри православной монархии, следует «народность» этой власти: «Нас много, миллионы русских крестьян осеняют себя так же крестным знамением и молятся за дорогого Царя-Батюшку. Необходимо главную опору иметь в русских людях, и никакие врата ада не одолеют Русского Монарха, окруженного своим народом. В години тяжких испытаний на Руси не раз ее спасали простые русские люди, как Иван Сусанин, Косьма Минин и другие»²². «Истинно говорю, правда Божия жива еще в русском народе, светоч совести не угас в сердцах его. Не нужно судить о народе по городскому рабочему, разнузданному в корень. Нет, внутри России народ другой: в нем живет дух Минина. Страшно и тяжело жить в потемках, и он ищет правды и света и не упокоится, пока не найдет их...которые найдет только в одном Верховном Самодержавном Монархе и Его Императорского Величества верных слугах»²³. «Сыны святой Руси! будем всеми силами хранить наше дорогое сокровище, Богом нам данное, — Царя Батюшку, Самодержца Всероссийского. Прочь от нас, крамола, прочь, вражда и злоба! Православие, самодержавие и единодержавие — вот наше святое победоносное знамя, которого никому не отдадим, Богу нам содействующу. И тогда снова воссияет благоденствие и величие России! Помните же: от нас зависит счастье России! Не слушайте и не верьте обещаниям красных изменников: они уже обманули вас, — разорили родину, внесли смуту; они — наши палачи, кровопийцы, а не радетели земли Русской. Один лишь наш Царь, избранник Божий. Духом Святым поставленный, даст нам все полезное для нашего благоденствия, но, если в

¹⁸ Кузнецов Серафим, иером. «Путевые впечатления...». С. 310.

¹⁹ «Там же. С. 316.

²⁰ Кузнецов Серафим, иером. «Слова, беседы, речи». Т. I. С. 71.

²¹ Кузнецов Серафим, иером. «Путевые впечатления...». С. 311.

²² Кузнецов Серафим, иером. Речь, произнесенная на предвыборном монархическом собрании в городе Перми 14 января 1907 года / Кузнецов Серафим, иером. «Слова, беседы, речи». Т. I. С. 57.

²³ Кузнецов Серафим, иером. «Путевые впечатления...». С. 175.

Думу попадут вновь изменники России, то мы снова будем переживать несчастья»²⁴. «Неисчислимо много добра принесено на Руси православием с единодержавием. Будем дорожить этими источниками добра. Будем хранить эти сокровища»²⁵.

Понятие «православного монарха» подразумевало, с одной стороны, чрезвычайную близость образа царя простому народу, всегда на Руси привыкшему апеллировать к царю-батюшке, минуя его сановников и чиновников, а с другой — исключало народоправие, потому что, даже избранный народом, православный царь получал свою власть не снизу, но сверху, от Бога. Здесь становится очевидным различие понятий «народность» и «народоправие». По о. Серафиму, насколько православная монархия «народна», настолько же «народоправие», то есть республиканский строй правления, — не народно, но является насилием над народной душой.

«Народовластие, или иначе сказать конституция, есть дело не только анти христианское, но и вообще — антирелигиозное... Все последователи сего есть строители нового Вавилона, и государство на таковых началах есть подобно городу, построенному на огнедышащей горе, рискующему ежеминутно быть обращенным, таящейся внутри горы, разрушительной силой в развалины. Например: вода, хотя и есть в ней ил, является чистой, когда он лежит на дне. Но, когда, каким-нибудь неправильным движением ил подымается вверх, вся чистая дотоле вода, теряет вид чистоты и становится мутною. Подобно сему общество человеческое, хотя есть в нем часть людей недобрых, — является чистым и благополучным, когда сия нечистая стихия лежит на дне, когда люди недобрые, по справедливости униженные в общем мнении, не достигают власти, почета и влияния на других. Но, когда недобрая стихия поднимается вверх, когда люди недобрые достигают власти, почета и влияния на других, тогда они мутят и чистую воду и добрых людей, или своим влиянием вводят в соблазн, или своею силою подвергают затруднениям и скорбям и, возрастая в силе, вредят целому обществу; тогда будут исполняться на деле слова Спасителя: “блаженны изгнанные за правду, ибо их есть царство небесное”... (Мф. 5,10)»²⁶.

Понятие народоправия подразумевает, что человеческое сообщество в самом себе имеет до-

статочные онтологические (и психологические) основания для существования, но это не так, как многократно доказывала история человечества. Руссоистская вера в гармоничность и непогрешимость «естественного человека», поставленного в некие идеальные условия — идея, многократно использовавшаяся так называемым «веком Просвещения» для создания «идеальных» воспитательных схем и лучшего общественного переустройства, при попытках ее воплощения в жизнь оборачивалась гуманитарными катастрофами.

Интересно, в этой связи, сопоставить взгляды представителя народного мировоззрения — о. Серафима, с взглядами «рафинированного интеллигента» и ученого богослова о. Павла Флоренского. С точки зрения о. Павла, «власть по самой природе своей законно принадлежит только священному, и поскольку нечто понимается как мирское или в особенности, когда оно себя утверждает таковым, постольку держание им власти есть узурпация и насильничество. Не может быть никакой власти мирской; а так как права и обязанности существуют только властью и через власть и вне власти лишены какого бы то ни было содержания, то и представление о праве не священном, мирских правах и обязанностях — пусто. Это не значит, чтобы тем исключалось понятие о естественном праве, напротив, но естественное право осмысливается только на символически-культовом понимании вселенной, через ее отношение к Верховному Иерарху вселенной, «Им же вся быша». Общество есть иерархия властей трансцендентных, но отнюдь не мирская, из себя рождающая власть, организация»²⁷. В Православии «гражданское устройство мыслится как отображение небесной иерархии, Христом возглавляемой, то есть, иначе, долнее отражает горнее и подражает ему и потому пронизывается и живет его энергиями», так «именно освещается общество»²⁸. «В теократическом строе всякое место ноуменально и ни одна должность не мыслится как обездоленная причастности к вечному миропорядку... всякая должность есть теократический сан». «Всякая реальность подлежит освящению», «весь организм общественный... освящается особыми молитвами и особым возвышением в мир горний», становясь «иконою горнего Царства», «не более недостойно, чем человеку быть образом Божиим»²⁹.

²⁴ Там же. С. 153.

²⁵ Кузнецов Серафим, иером. «Слова, беседы, речи». Т. I. С. 143.

²⁶ Кузнецов Серафим, иером. «Путевые впечатления...». С. 311–312.

²⁷ Флоренский Павел, свящ. Параграфы 34, 35 и 36 из «Философии Культа» // Regnum Aeternum. Москва – Париж, 1996. Ч. I. С. 188.

²⁸ Там же. С. 195.

²⁹ Там же. С. 197.

«В церкви есть ноуменально царский престол, все равно, занят он, или не имеет в плане конкретно-историческом своего представителя: в церкви по историческим условиям временно может не быть, и даже никогда не быть царя, но место для царя, «уготованный престол», в ней непременно есть»³⁰.

О. Павел Флоренский соединяет понятия «священный» и «жертвенный». Путь на вершину власти есть путь во глубину смирения. В идеале своего осуществления эта мысль подразумевает, что православный монарх является как бы окном, связующим народ с Богом, именно не в силу самовозвеличивания, но в меру своего смирения и перед Богом, и перед людьми. Так понимаемая роль православного монарха делает его служение априорно жертвенным, и именно эта жертвенность монаршего служения обуславливает его сакральность. Именно такое понимание смысла сакральности православной монархической власти русским народным сознанием и привносило оттенок слезного умиления в его отношении к Царю-Батюшке.

Но, по о. П. Флоренскому, не только царская власть, но «всякая реальность подлежит освящению, и освящение всякой реальности имеет степени, чтобы взойти до горнего мира к абсолютному Устою всего бытия. В данном случае имеется в виду функция *власти* и, следовательно, освящение власти, а с нею и всякой гражданственности»³¹. «Гражданская организация пронизана символическими действиями, задача которых никакой стороны жизни не оставить вне ее ориентированности на высшем духовном начале и все связать со всем в единый духовный организм»³². «Освящение всякой гражданственности» начинается с крестообразного пострижения главы младенца в таинстве крещения, что символизирует принесение себя в жертву Богу; «на верхней ступени рассматриваемого ряда священных ординаций гражданского строя находится венчание на царство». «Но принесенное в жертву становится трансцендентальным миру и уже «не от мира», в мире же оно теперь не есть, а только является. Как таковое, сверх-мировое и в мире только *являющееся*, оно тем самым есть *власть* над миром, есть то, что направляет и организует мир, то, по чему мир направляется, находит себе правые пути»³³.

О. Павел Флоренский отмечает, что при потере человеком понимания, так сказать, «онтологической ответственности» государственного устройства, те же процессы происходят в сфере религиозного восприятия и церковного культа, при исполнении которого возникает тенденция смены «восходящего вектора» на нисходящий и замены богослужения «народослужением», чем реально выхолащивается сакральный смысл церковного организма: «При утрате онтологического понимания религии наша современность всецело ушла в круг понятий субъективных и в религии видит уже не реальность, которая сама собой определяется, а чисто субъективные мысли и чувства, прекрасные переживания и благородные кипения в нас, из нас же возникающие и нами же великодушно являемые миру. Как одна из форм этого субъективизма должно быть отмечено народовластие и народослужение, где слово народ есть *genetivus objectivus*: служба церковная совершается не народом Богу, а духовенством — народу»³⁴.

Важно отметить, что понимание идеи православной монархии как о. Серафимом (Кузнецовым), так и о. Павлом Флоренским, совпадая по основным позициям между собой, не совпадает, как то ни может показаться странным, с пониманием этой идеи славянофилами. В основе славянофильской концепции — дух «народоправия», почерпнутой ими из современной им западной пост-революционной действительности — дух противоположный идее самодержавной власти. В работе «Около Хомякова» о. Павел критиковал славянофилов за скрытое использование теории «общественного договора» Руссо в их историософской концепции: «Русские цари самодержавны потому, полагает он (Хомяков), что таковою властью одарил их русский народ после смутного времени. Следовательно, не народ-дети от царя-отца, но царь-отец от детей-народа. Следовательно, самодержец есть самодержец не «Божией милостью», а народною волею / ... / Следовательно, приходится заключить далее, что «сущие власти» не «от Бога учинены суть», но от *contract social*...»³⁵.

Третьим православным богословом и мыслителем, развивавшим в XX в идею православной монархии в сходном ключе был святитель архиепископ Серафим (Соболев), прославленный ныне в лике святых. В своих работах «Русская идеоло-

³⁰ Там же. С. 194.

³¹ Там же. С. 187.

³² Там же. С. 196.

³³ Там же. С. 188.

³⁴ Там же. С. 198.

³⁵ Там же. С. 199.

гия» и «Об истинном монархическом мирозерцании» он главный акцент делает на Богооткровенности учения о Царской власти, то есть также на «небесном» ее источнике: «Учение о царской власти входит в самый состав христианства и есть не что иное, как учение Христово и вообще учение богооткровенное»³⁶. «Церковь и государство со своими властями происходят от одного и того же источника — Бога»³⁷: «Слышите убо, царие и разумейте, яко дана от Господа держава вам и сила от Вышнего» (Прем. 6, 1—3)³⁸.

Ссылаясь на святителя митрополита Филарета (Дроздова), владыка Серафим также говорит о патернализме как о главной характеристике православного монархического сознания: «Власть отца, власть патриарха, власть судей и власть царская — это по учению митрополита Филарета есть по своей природе та же царская власть, которая, действительно только одна и происходит от Бога». И только она одна является «богоподобной». «Ни конституционный, ни республиканский строй не являются богоустановленными», потому что «народовластие» не совместимо с внутрисемейными ценностями.

Свт. Серафим (Соболев) также отмечает специфическое «отношение русских православных людей к царю, исполненное истинной и сыновней любви к нему и которое заставляло их считать счастьем лицеизреть своего батюшку-царя, прикасаться к нему и часто со слезами умиления взирать на него. Это отношение /.../ было основано /.../ на православном взгляде на царскую власть как на богоустановленную /.../ и на православном сознании, идущем не только из головы, но и из сердца, что царь есть помазанник Бога и потому является образом и отблеском Его Божественного самодержавного величия и славы»³⁹.

Но соприкасаясь с этим падшим миром, погружаясь в него, величие и слава Божия являют себя в нем как «жертвенность». Сам Бог явил Себя в этом мире как живую Жертву, принесенную для спасения людей. Поэтому и образ православного царя сливался в народном сознании с представлением о священно-жертвенном служении, имеющим целью его, народа, спасение. Таким образом, идея православной монархии получала в народном сознании не столько гражданский, (мирской, секулярный), сколько сотериологический, рели-

гиозный смысл. То есть, в конечном счете, внутри понятия о «Православном Царстве» заключалась идея «всенародного спасения» — предельное чаяние Церкви.

Соответствовала сотериологическому пониманию православной монархии и «отцовская харизма», которую в народном восприятии был наделен образ «Батюшки-Царя» и которая подразумевала, что весь народ — его дети: ведь в семье ребенок, даже непослушный, заблудший, не перестает быть членом семьи, а стало быть, требующим особого попечения. Именно такое понимание мы видим в известном письме преподобномученицы великой княгини Елизаветы Федоровны, написанном в конце 1917 г., где она говорит, что при виде расстрелянного революционерами Московского Кремля она «испытала такую глубокую жалость к России и ее детям, которые в настоящее время не знают, что творят»: «Разве это небольшой ребенок, — пишет она далее, — которого мы любим во сто крат больше во время его болезни, чем когда он весел и здоров?»⁴⁰. Так понимаемая миссия православной монархии стоит и за существовавшим в Российской империи гражданским законом, повелевавшим всем православным причащаться хотя бы один раз в год в Страстной Четверг: мотивация этого закона заключалась не в чиновничьем формализме, но, опять же, в «сотериологическом» понимании «православной всенародной семьи».

Таким образом, мы можем констатировать, что за официальной идеологией «православие, самодержавие, народность» стояло в реальности органичное, цельное народное мироощущение принадлежности к «спасаемому роду», — как бы спасение «всем миром», осуществляемое Единодержавием Божиим посредством Его помазанника Царя, объединяющего вокруг себя всенародную «семью». И надо сказать, что после исчезновения из Российской государственной действительности фигуры Помазанника Божия, сотериологическая структура церковного мировосприятия осталась в народе неизменной: именно этим, думается, следует объяснить духовный подвиг русской церковной иерархии и духовенства советского времени, не ушедших в подполье, не бросивших страну и народ в период «духовной болезни» и тем самым сохранивших основной каркас, конструкт русского Самодержавия, с тем только отличием, что теперь «пра-

³⁶ *Архиепископ Серафим (Соболев)*. Об истинном монархическом мирозерцании СПб., 1994. С. 74.

³⁷ Там же. С. 68.

³⁸ Там же. С. 36.

³⁹ *Архиепископ Серафим (Соболев)*. Об истинном монархическом мирозерцании. С. 89—90.

⁴⁰ Цит. по: *Миллер Л.* «Святая мученица Российская великая княгиня Елизавета Федоровна». М., 1994. С. 192.

вославный народ» апеллировал непосредственно к Верховному Самодержцу — Богу, не имея для этого более посредника в виде православного царя.

Вскоре после вынужденной эмиграции в Китай, в 1920 г. в Пекине игумен Серафим пишет и издает две книги — «Православный Царь-Мученик» и «Мученики христианского долга», посвященные царственным страстотерпцам, в которых подводит итог прошедшим только что событиям.

Прежде всего, следует отметить, что о. Серафим не считал акт отречения Государя от власти легитимным: «Всякий акт отречения, вынужденный насилием как юридически, так и канонически считается недействительным.../.../ Такой первостепенной важности акты совершаются не при двух-трех свидетелях, а при составе представителей всех сословий и убеждений»⁴¹. Не только мирян — высокопоставленных сановников, требовавших отречения Царя от власти, считал он повинными в «измене и клятвопреступлении», но и правительствующий Синод, поспешивший присягнуть Временному правительству. Дальнейшие события считал он воспитательной карой по действию Промысла Божия: «В России по слову блаженного Августина: «Бог исправляет добрых людей через злых». Бог делает это с тем, чтобы неправдою злых людей совершить праведный Свой суд над виновными в измене и клятвопреступлении. Не воля большевиков, но воля Божия исполняется ими, как бичом, подобно тому, как некогда Бог послал бич израильскому народу: «Горе ассирианам, жезлу гнева и бичу негодования Моего, который пушу Я на народ нечестивый, на людей, прогневающих Меня. Я дам ему повеление ограбить их, забрать все их богатства и самих в плен, разорить города их, и протоптать их, как грязь на улицах. Но ассирианин не так подумает и не так помыслит сердце его: у него будет на сердце разорить и истребить немало народов» (Ис. 10, 5-7). В древнее время был тоже своего рода беспощадный завоеватель и угнетатель народов Аттила. Блаженный архиерей Божий Луппа, при встрече приветствовал его словами: «Приветствую тебя, Аттила, бич Божий!» Когда нужно было спасти Россию от надвигающегося разгрома, святитель Алексей митрополит Московский поехал на поклон к татарскому хану и смирением смягчил его гнев и спас Россию от раз-

грома. Даровать русскому народу вновь Царя Православного — дело Всевышнего. Пока этот народ, изменивший Помазаннику Божию, не искупит своей вины слезным покаянием, до тех пор будет царствовать над ним «бич Божий»⁴².

Уже в 1920 г. отец Серафим засвидетельствовал праведность и святость убиенной Царской Семьи: «Бог проклял Каина, убившего из зависти своего праведного брата Авеля»⁴³. «Наши Царственные страстотерпцы до скончания века будут улажаться не только Православной Русской, но и Вселенскою Церковью, как святые мученики за Христову правду пострадавшие. Убийцы же их и все содействовавшие этому злодейству в тесноте и терзаниях будут влачить свою жизнь на земле, ибо сама тварь, по слову Божию, вооружится против них для отмщения им. /.../ Пройдут скорбные дни лихолетья и Русский народ, испив до дна чашу беспримерных бед и скорбей в наказание за невинно пролитую кровь помазанника Божия и его Семьи, сознает свою вину, как некогда, убив своего короля Карла I, английский народ сознал потом свою кровавую ошибку. Ежегодно теперь празднует Англия память убитого короля, прося этим у него прощения. Так будет праздновать память своего благочестивейшего Царя-Мученика и раскаявшийся русский народ, прося у него прощения в своем тяжком грехе против Него и Его Семьи»⁴⁴.

В то же время следует отметить, что, живя последние 38 лет своей жизни в Иерусалиме, на канонической территории Иерусалимского Патриархата по благословению и при личном покровительстве греческого Иерусалимского Патриарха, о. Серафим не поддерживал никакой связи с зарубежными монархическими организациями и не подчинился власти «промонархического» Архиерейского Синода Русской Зарубежной Церкви. Более того, его духовные чада из русского монастыря на Елеоне, когда его возглавила игуменья Тамара (Багратион-Мухранская, урожденная Романова) в юрисдикционном отношении не подчинялись ей. Верховной властью над собой о. Серафим признавал Святейшего Патриарха Тихона и его преемников, несмотря на то, что события, приведшие к восстановлению Патриаршества и отмене прежней системы Церковного управления в России считал он нарушающими каноническое преемство. «Восточные Патриар-

⁴¹ Там же. С. 150–151.

⁴² Ответное письмо игумена Серафима (Кузнецова) из Иерусалима о деятельности Патриарха Иерусалимского Дамиана от 10 января 1927 г. Публикация Петра Стегния // Иерусалимский православный семина. М., 2014. Вып. 5. С. 223–224.

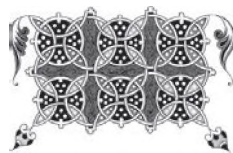
⁴³ Православный Царь-Мученик. М., 1996. (по изд.: Пекин, 1920). С. 223–224.

⁴⁴ Там же. 223.

⁴⁵ Ответное письмо игумена Серафима... С. 223.

хи, — писал о. Серафим, — принимая во внимание государственный переворот в России, нашли возможным признать новый строй церковного управления Русской Православной Церковью во главе с Патриархом Тихоном, хотя и было этим церковным переворотом нарушено 15 правило Двукратного собора». Патриарха Тихона «признавали Восточные Патриархи до смерти Патриархом Всероссийским.

Значит, этим Патриарх Дамиан признавал всех последователей Патриарха Тихона верными сынами вселенского Православия»⁴⁵. О юрисдикционных же разделениях Церкви в Отечестве и в эмиграции сказал пророческие слова: «Когда политическая буря утихнет, тогда сами между собой враждующие стороны уладят свое домашнее церковное дело без постороннего вмешательства»⁴⁶.

---

⁴⁶ Там же. С. 222. Предвидение это, как мы видим, исполнилось в 2007 г., при воссоединении Русской Православной Церкви Заграницей с Матерью-Церковью Московского Патриархата.